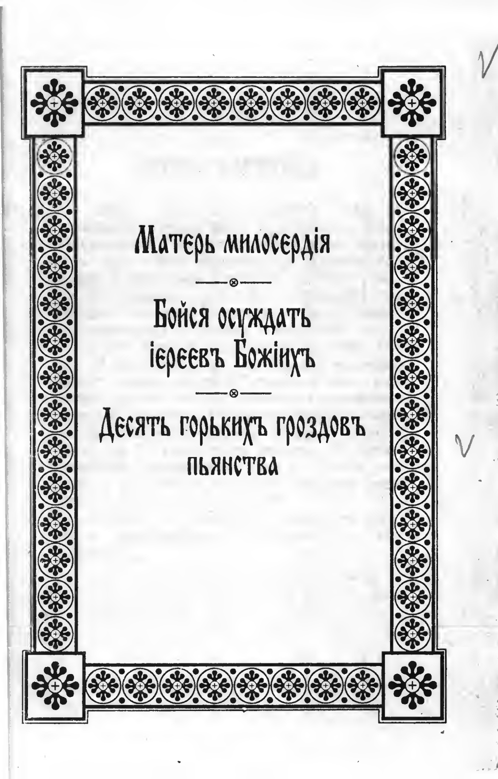

Матерь милосердія

Бойся осуждать іереевъ Божіихъ

Десять горькихъ гроздовъ пьянства

Матерь милосердія.

Одинъ грѣшникъ положилъ себѣ за правило — каждый день по нѣсколько разъ молиться ко Пресвятой Богородицѣ, повторяя слова Архангельскаго привѣтствія: **Радуйся, Благодатная!** Однажды, собираясь идти на грѣшное дѣло, онъ обратился ко образу Пресвятой Богородицы, чтобы прежде помолиться по своему обыкновенію, а потомъ уже идти на задуманное недоброе дѣло. И вотъ, когда онъ по обычаю молился, вдругъ напалъ на него страхъ, и онъ—внѣ себя—видитъ, что изображеніе на иконѣ движется, и Пресвятая Богородица представляется ему живою, съ Своимъ Сыномъ, держимымъ на Ея пречистыхъ рукахъ. У Богомладенца открываются язвы на рукахъ, ногахъ и въ боку, и изъ язвъ потоками струится кровь, точно на Крестѣ.

Увидѣвъ сіе, грѣшникъ упалъ отъ страха и воскликнулъ: „О, Госпоже! кто это сдѣлалъ?“

Богоматерь отвѣчала: „Ты и прочіе грѣшники; вы снова распинаете Сына Моего вашими грѣхами, какъ Іудеи“.

Тогда грѣшникъ зарыдалъ и сказалъ: „Помилуй меня, о, Мати милосердія!“

А Она отвѣчала: „Вы называете Меня Матерію милосердія, а сами оскорбляете и преогорчеваете Меня своими дѣлами“.

— „Нѣтъ, Владычице!“ — воскликнулъ грѣшникъ: „Да не будетъ сего! да не преодолѣетъ з оба моя неизреченныя благости и милосердія Твоего! Ты Одна—надежда и прибѣжище всѣмъ грѣшникамъ! Преклонись на милость, Благая Мати! Умоли за меня Сына Твоего и Творца моего!“

Тогда Премилосердная Матерь стала умолять Сына своего, говоря: „Благоутробне Сыне Мой! Любви ради Моей помилуй сего грѣшника!“

А Сынъ отвѣчалъ: „Не прогнѣвайся, Мати Моя, что Я не послушаю Тебя: и Я молилъ Отца, да мимоидетъ отъ Мене чаша страданій, и Онъ не послушалъ Меня“.

Сказала Богоматерь: „Воспомяни, Сыне, сосцы, которыми Я воскормила Тебя, и прости его!“

Но Сынъ отвѣчалъ: „И вторицею Я молилъ Отца о чашѣ, и Онъ не послушалъ Меня“.

Богоматерь опять сказала: „Воспомяни болѣзни Мои, которыя Я перетерпѣла съ Тобою, Когда Ты на крестѣ тѣломъ, а Я подъ крестомъ—сердцемъ была уязвлена, когда оружіе проходило душу Мою!".

А Сынъ отвѣчалъ: „Третицею молился Я Отцу, да мимо несетъ чашу, но Онъ не благоволилъ услышать".

Тогда Матерь встала, посадила Сына и хотѣла броситься къ ногамъ Его...

— „Что хочешь Ты дѣлать, о, Мати Моя!?" воскликнулъ Сынъ.

— „Пребуду, отвѣчала Она, лежащи у ногъ Твоихъ вмѣстѣ съ симъ грѣшникомъ, пока простишь ему грѣхи!"

Тогда Сынъ изрекъ: „Законъ повелѣваетъ всякому сыну почитать свою мать; а справедливость требуетъ, чтобы Законодатель былъ и законоисполнитель. Я Сынъ Твой, Ты—Мать Моя, Я долженъ Тебя почитать, исполняя то, о чемъ Ты умоляешь: буди же по Твоему желанію! Нынѣ прощаются сему человѣку грѣхи Тебе ради! А въ знаменіе прощенія, — да облобызаетъ Мои язвы!"

Всталъ трепещущій грѣшникъ, радостно коснулся устами пречистыхъ язвъ Его и тогда же пришелъ въ себя. Когда окончилось видѣніе, онъ ощутилъ въ сердцѣ сво-

емъ и страхъ, и радость. Припадая къ образу Владычицы, онъ благодарилъ Ее и молилъ, чтобы, какъ онъ видѣлъ въ видѣнiи прощающую благость Господню, такъ и въ будущемъ не лишиться ему сей милости. И съ того времени онъ исправилъ жизнь свою и сталъ жить богоугодно *).

Смотри, заключаетъ сей разсказъ Святитель Димитрій Ростовскій, каково попеченіе Ходатаицы нашей о прощеніи нашихъ согрѣшеній! Слава милосердію Ея, слава неизреченному благоутробію Ея, слава богатству щедротъ Ея, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

---

*) Разсказанное здѣсь событіе изображается на иконѣ Пресвятой Богородицы, именуемой **„Нечаянная радость“**.

Стражъ неусыпный.

(Изъ книги: «Вышнiй Покровъ надъ Аѳономъ»).

Въ давнее время, разъ шайка разбойниковъ подступила къ Св. Горѣ Аѳонской, съ намѣренiемъ, на разсвѣтѣ дня, какъ только растворятся ворота одного изъ лучшихъ монастырей — Ватопедскаго, ворваться внутрь, избить монашествующихъ и разграбить сокровища монастырскiя. Разбойники, выступивъ вечеромъ на берегъ, скрылись до утра въ прилежащихъ монастырю кустарникахъ. Но неусыпный Стражъ всей Св. Горы, Пресвятая Дѣва Богородица не допустила совершиться замыслу безбожниковъ. На слѣдующiй день, по отходѣ утрени, когда всѣ братiя разошлись по своимъ кельямъ на отдыхъ, игуменъ, оставшись въ церкви, занялся совершенiемъ своего утренняго правила; только вдругъ онъ слышитъ голосъ отъ иконы Пресвятыя Богородицы: «Не отверзайте сегодня вратъ обители, но взойдите на стѣны монастырскiя и разжените разбойниковъ».

2 Зак. 27

Смутившійся игуменъ устремилъ свой взоръ на икону Богоматери, отъ Которой слышался этотъ голосъ, и ему открылось ужасное чудо: онъ видитъ, что ликъ Богоматери оживился, равно какъ и держимаго Ею Младенца Іисуса... Предвѣчный Младенецъ, простерши Свою десницу и закрывая ею уста Своей Божественной Матери, обратилъ къ Ней лице Свое и сказалъ: «Нѣтъ, Мати Моя, не говори имъ этого: пусть они накажутся!».

Но Богоматерь, стараясь удержать Своею рукою руку Своего Сына и Господа и уклонясь лицемъ отъ Него направо, снова произнесла двукратно тѣ же самыя слова.

Пораженный ужасомъ отъ этого страшнаго чуда, игуменъ тогда же собралъ всю братію и разсказалъ имъ случившееся; и всѣ замѣтили съ крайнимъ изумленіемъ, что лица Богоматери и Господа Іисуса, и вообще очертаніе той иконы сдѣлались въ другомъ положеніи противу прежняго своего вида. Въ чувствахъ живой благодарности, они прославили заступленіе и промыслъ о нихъ Пресвятой Богородицы и Ея ради милующаго ихъ Господа, вошли на стѣны монастырскія и имѣвшимися тамъ орудіями отразили разбойниковъ. Съ той поры и досelѣ эта чудотворная икона Бого-

матери извѣстна тамъ подъ именемъ «Отрады» или «Утѣшенія», и положеніе лицъ Богоматери и Іисуса Христа осталось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно сдѣлалось при троекратномъ голосѣ, слышанномъ игуменомъ: Божественная Мать, уклонясь лицемъ вправо отъ простертой десницы Своего Предвѣчнаго Младенца и Господа, старается отвлечь ее отъ устъ Своихъ, чтобъ свободно пересказать предстоящую опасность Своимъ избраннымъ. Лице Богоматери полно сострадательной любви; взоръ Ея дышетъ кротостію и милосердіемъ, на устахъ покоится тихая улыбка привѣта и утѣшенія. Лице Спасителя не таково: оно грозно, движеніе гнѣва замѣтно во всѣхъ чертахъ, взоръ полонъ строгости и неумолимаго суда.

Тропари Богоматери.

Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній! Не отврати Твоя рабы тщы (ни съ чѣмъ), Тя бо и едину надежду имамы!

Не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойнiи. Аще бо Ты не бы предстояла молящи: кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ? Кто же бы сохранилъ донынѣ свободны? не отступимъ, Владычице, отъ Тебе: Твоя бо рабы спасаеши присно отъ всякихъ лютыхъ!

Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице! Ты намъ помози, на Тебе надѣемся, и Тобою хвалимся, Твои бо есмы раби, да не постыдимся:

Не ввѣри мя человѣческому предстательству (покровительству), Пресвятая Владычице, но прiими моленiе раба Твоего: скорбь бо обдержитъ мя, терпѣти не могу демонскаго стрѣлянiя, покрова не имамъ, ниже гдѣ прибѣгну окаянный, всегда побѣждаемъ, и утѣшенiя не имамъ, развѣ Тебе, Владычице мiра, упованiе и предстательство вѣрныхъ; не презри моленiе мое, полезно сотвори!

БОИСЯ ОСУЖДАТЬ

Іереевъ Божіихъ.

(Изъ поученій Преподобнаго Анастасія Синаита).

Не осуждайте, говоритъ Господь, и не будете осуждены. Слыхалъ я отъ многихъ: «Горе мнѣ! Какъ мнѣ спастись? Поститься я не могу, не спать — тоже, быть дѣвственникомъ я не въ состояніи, уйти изъ міра въ пустыню не въ силахъ, милостыню творить— ничего у меня нѣтъ, — не знаю, какъ я могу спастись!..». Такому человѣку я отвѣчаю: прости, и тебѣ будетъ прощено; не осуждай, и не будешь осужденъ; вотъ, чѣмъ ты можешь спастись. Если у тебя ничего нѣтъ изъ имѣній, если твое тѣло не въ силахъ понести труды: то не осуждай, хотя бы ты и своими очами видѣлъ кого-либо согрѣшающимъ, вотъ, тебѣ средство ко спасенію! Единъ Богъ есть Судія всѣхъ, Онъ каждому воздастъ по дѣламъ его. А кто судитъ грѣ-

хи, тотъ — противникъ Самого Христа, онъ и называется антихристомъ, ибо присвояетъ себѣ судъ Христовъ. Когда ты видишь брата согрѣшающимъ, то, вѣдь, не знаешь, въ какихъ дѣлахъ проведетъ онъ остальную жизнь свою. Разбойникъ, со Христомъ распятый, былъ человѣкоубійца, а Іуда — ученикъ и Апостолъ Христовъ, и притомъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Нему учениковъ, и въ самое короткое время какая произошла съ ними перемѣна! Разбойникъ вошелъ въ царствіе Божіе, а ученикъ — въ погибель. Посему-то и не должно осуждать человѣка, какъ бы онъ грѣшенъ ни былъ: вѣдь, онъ братъ тебѣ, гдѣ тебѣ знать, хороши ли его дѣла или худы? Часто бывало, что многіе согрѣшали явно, а покаяніе прилежное приносили въ тайнѣ; и мы видѣли, какъ они согрѣшали, но ихъ покаянія и обращенія къ Богу не видали; такъ что мы осуждаемъ ихъ какъ грѣшниковъ, а Богъ оправдаетъ ихъ какъ праведныхъ. Итакъ, умоляю васъ, не будемъ никого осуждать! И особенно бойся осуждать іерея Божія въ его явныхъ или тайныхъ прегрѣшеніяхъ, о которыхъ приходится тебѣ слышать; не дерзай: говорить: „онъ грѣшникъ, а приступаетъ къ совершенію таинствъ, и потому не нисходитъ благодатный даръ Святаго Духа“, ничего

подобнаго не смѣй и въ умѣ помышлять. Іерей Божій есть самъ судія и испытатель таинъ сердечныхъ. Пойми же, что іерей во всякомъ случаѣ предъ Богомъ выше тебя; и предоставь судъ Судіи Праведному. Если Іерей и согрѣшилъ въ чемъ либо, то онъ согрѣшилъ противу Божественныхъ повелѣній, а ты въ въ чужихъ дѣлахъ не судія и не изслѣдователь. Знай свою мѣру и свой чинъ. Ты скажешь: развѣ не подлежитъ и самъ іерей церковному суду и канонамъ? Конечно, подлежитъ, но не твое дѣло судить его, или допрашивать, — это дѣло Божіе, или дѣло поставленнаго Богомъ Святителя (Епископа). Ты овца: какъ же смѣешь судить своего пастыря? Зачѣмъ предвосхищаешь, какъ фарисей, судъ Божій и судишь священный санъ? Вѣдь, Богъ тебѣ не поручалъ сего, не давалъ на то права? Посему умоляю тебя, не осуждай никого, а особенно іерея Божія. Съ вѣрою и съ великимъ страхомъ, съ истиннымъ покаяніемъ и съ чистою совѣстію приступай къ Божественнымъ Тайнамъ и касайся святыни ихъ. Ибо если бы даже и Ангелъ Божій приносилъ святую безкровную жертву, а ты причащался бы отъ руки его Святыхъ Таинъ недостойно, то и тогда самъ Ангелъ не очистилъ бы тебя отъ грѣха, какъ и Писаніе о

о семъ свидѣтельствуетъ. Іуда принялъ отъ самаго Владыки Христа Пречистое Тѣло Его, но причастился недостойно, и за то тотчасъ же вошелъ въ него сатана, отъ котораго да избавитъ насъ Господь Богъ. Аминь.

Святыя Таинства не теряютъ своей силы отъ недостоинства совершающаго ихъ Іерея.

Не даромъ такъ усердно просилъ Бога Псалмопѣвецъ: **Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ.** Всѣ мы грѣшные стараемся подыскать оправданіе своимъ слабостямъ и порокамъ; и самое обыкновенное оправданіе у насъ, что «не мы одни грѣшники», что «вотъ и пастыри наши, отцы духовные такіе же грѣшники, да еще пожалуй и похуже насъ». А наше ли дѣло судить своихъ пастырей? Господь заповѣдалъ слушаться даже лицемѣрныхъ фарисеевъ: **Вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ,** и только по дѣломъ ихъ, **не творите** (Мѳ. 23, 3). А наши пастыри, слава Богу, еще не фарисеи, если и есть у нихъ какія либо немощи, то, вѣдь, они не Ангелы, они такіе же люди, какъ и мы,

съ такими же слабостями и недостатками. Что же? если они, какъ люди, согрѣшаютъ, то неужели не слѣдуетъ и слушать ихъ? Они возвѣщаютъ намъ не свое слово, а Божіе: Самъ Господь сказалъ Своимъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ пастырямъ Церкви: **Слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, Мене отметается** (Лук. 10, 16). Стало быть: кто повинуется своему духовному отцу, тотъ повинуется Самому Христу, а кто не слушаетъ своего духовнаго отца, кто осуждаетъ его немощи, тотъ не слушаетъ Самого Христа!..

Вотъ, если бы не имѣли силы таинства, совершаемыя немощными іереями, тогда, пожалуй, позволительно было бы намъ сѣтовать на ихъ немощи, и то только скорбѣть и сѣтовать, а не судить и осуждать. Но этого, слава Богу, нѣтъ, и быть не можетъ. Какъ бы грѣшенъ ни былъ іерей - совершитель таинства, самое таинство имѣетъ для насъ грѣшныхъ всю спасительную свою силу. Вѣдь, таинство совершаетъ іерей не своею силою, а силою благодати Божіей, данной ему въ рукоположеніи чрезъ Епископа; лучше сказать: таинство совершаетъ Самъ Богъ, а іерей — только видимое орудіе Божіе въ семъ важномъ дѣлѣ благодати Божіей. Послушаемъ одно древнее сказаніе,

записанное святыми людьми для душевной нашей пользы и назиданія.

Одинъ вельможа въ Палестинѣ купилъ себѣ раба-мальчика, родомъ изъ Скиѳіи, и отдалъ его священнику, который служилъ въ его домовой церкви. Мальчикъ обучался грамотѣ и сталъ прислуживать священнику. Разъ вельможа спросилъ его: «Христіане — Скиѳы или нѣтъ?» Нѣтъ, господинъ отвѣчалъ отрокъ; они не знаютъ Христа, и я, кажется, не крещенъ. Тогда вельможа поручилъ священнику окрестить отрока, что тотъ и исполнилъ. Новопросвѣщенный пришелъ къ своему господину, по обычаю держа въ рукахъ зажженную свѣчу. „Поди, призови крестившаго тебя“, сказалъ вельможа. Отрокъ пошелъ, но скоро возвратился и сказалъ, что того, кто крестилъ его, уже нѣтъ въ церкви. Три раза господинъ посылалъ его въ церковъ, но мальчикъ каждый разъ возвращался съ тѣмъ же отвѣтомъ. Тогда удивленный вельможа обратился къ другому рабу и сказалъ: «Поди ты, позови священника». Тотъ пошелъ, засталъ священника еще въ алтарѣ (Онъ потреблялъ Святые Дары) и пригласилъ его къ вельможѣ. Тогда господинъ сказалъ новокрещенному: «Какъ же ты говорилъ, что нѣтъ въ церкви крестившаго тебя? А это кто же?»

Отрокъ отвѣчалъ: истинно говорю тебѣ, господинъ мой, что сей священникъ не крестилъ меня; тотъ, кто совершалъ надо мною крещеніе, имѣлъ лицо подобное молніи, онъ весь сіялъ точно солнце; онъ же совершалъ и божественную литургію. И когда онъ служилъ, то сей священникъ стоялъ за дверями церковными, связанный желѣзными оковами по рукамъ и ногамъ, а двое какихъ-то черныхъ держали его все время, пока свѣтоносный мужъ совершилъ литургію». Еще болѣе удивился сему вельможа, въ страхѣ отвелъ онъ священника въ свою опочивальню, и спросилъ его, что все это значитъ? Тогда священникъ со слезами упалъ къ ногамъ вельможи и сказалъ: „Вижу, что Господь не утаилъ отъ тебя истины, господине мой; посему и я скажу тебѣ всю истину о себѣ. Когда я былъ въ своемъ родномъ городѣ, то по дѣйствію врага, впалъ въ тяжкій грѣхъ. Узналъ о томъ мой Епископъ и наложилъ на меня запрещеніе не совершать службы Божіей. А я человѣкъ бѣдный, безъ служенія мнѣ нечѣмъ было жить, и, вотъ, я ушелъ сюда. Ты, господинъ мой, сжалился надъ нищетою моею и принялъ меня въ свой домъ. И я окаянный, попирая свою совѣсть, и забывая о вѣчной мукѣ за нарушеніе божественныхъ правилъ, и досе-

лѣ служилъ какъ прежде". Тогда вельможа посѣтовалъ ему удалиться въ монастырь, чтобы тамъ принести покаянiе въ своемъ тяжкомъ согрѣшенiи, что тотъ исполнилъ. Итакъ, нѣтъ намъ, братiе, никакого извиненiя въ осужденiи всякаго человѣка, тѣмъ паче Iерея Божiя! Лучше подумаемъ: сами мы можемъ ли сказать о себѣ, что достойно приступаемъ къ святымъ таинствамъ, которыя совершаетъ для насъ Iерей, нами осуждаемый?

ДЕСЯТЬ
ГОРЬКИХЪ ГРОЗДОВЪ
ПЬЯНСТВА.

(Изъ сочиненій Св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго).

Знаменитый у древнихъ Еллиновъ мудрецъ Анахарсисъ говоритъ, что виноградная лоза приноситъ три грозда: первый гроздъ услажденія, второй упоенія, а третій печали. Мудрецъ сіе толковалъ такъ: умѣренное употребленіе вина служитъ человѣку въ удовольствіе и во здравіе, ибо и жажду утоляетъ, и желудокъ укрѣпляетъ, и сердце веселитъ; неумѣренное же порождаетъ ссоры, возжигаетъ гнѣвъ, возбуждаетъ на брань и побои, затѣмъ слѣдуетъ, обыкновенно, немало скорбей. А мы, если захотимъ внимательно разсмотрѣть силу пьянства, и если назовемъ его виноградною лозою, то найдемъ на ней не три нравственныхъ грозда, приносящихъ человѣку вредъ и печаль, но гораздо болѣе, а именно десять.

Первый гроздъ его есть **помраченіе ума**, потемнѣніе разсудка, потеря сознанія; ибо

отъ желудка, переполненнаго виномъ, винные пары поднимаются въ голову, дѣйствуютъ на мозгъ и возмущаютъ умъ. Поэтому, многіе въ состояніи опьяненія не помнятъ себя, сами не знаютъ, что дѣлаютъ, и что говорятъ, точно безумные, и какое бы ни случилось съ ними зло, безчестіе ли, или побои, назавтра они ничего не помнятъ. Надъ таковыми исполняется писанное въ Притчахъ: **Биша мя, и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ** (23, 35).

Второй гроздъ есть **бестыдство**: пьяный никого не стыдится, но, потерявъ совѣсть, произноситъ скверныя, хульныя, нелѣпыя, оскорбительныя для цѣломудреннаго слуха рѣчи; уста его бываютъ подобны стоялищу скотскому, наполненному смрадною нечистотою, а языкъ — лопатѣ, которою выбрасываютъ эту нечистоту. Что же другое сердце такого человѣка, какъ не вмѣстилище многихъ золъ, изъ котораго не можетъ ничего выходить, кромѣ зла, по слову Евангелія: **Злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое: отъ избытка бо сердца глаголютъ уста его?** (Лук. 4, 45).

Третій гроздъ съ лозы пьянства есть **несоблюденіе тайны**. Пьяный откровенно разсказываетъ всѣмъ и каждому всѣ тѣ тайны, свои или чужія, которыя тщательно сокры-

валъ въ глубинѣ своей души, сохраняя ихъ въ молчанiи, когда былъ трезвъ. Этого мало: что давно уже прошло и предано забвенiю, и то онъ припоминаетъ, и аки мертвеца воскрешаетъ отъ гроба. И какъ обычно пьяному извергать пищу изъ желудка, такъ же обычно и тайны открывать: и то и другое, и пища и тайны, въ пьяномъ не держатся.

Четвертый гроздъ содомской лозы пьянства есть **возбужденiе плотской похоти,** почему и увѣщеваетъ Апостолъ: **Не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ** (Ефес. 5, 18).

Пятый гроздъ, полный яда змiинаго, есть **ярость**, гнѣвъ, вражда, ссоры, брань и кровопролитiя. Упившись виномъ, люди возстаютъ съ яростiю другъ противъ друга. Вотъ, почему и говоритъ съ укоризною Приточникъ: **Кому горе? кому молва? кому судове? кому горести и свары? кому сокрушенiя вотще? кому сини очи? Не пребывающимъ ли въ винѣ? и не назирающимъ ли, гдѣ пирове бываютъ?** (Прит. 23, 29 - 30). И премудрый сынъ Сираховъ увѣщеваетъ: **Въ винѣ не мужайся, многихъ бо погуби вино. Полезно и вино животу человѣчу, аще пiеши е въ мѣру его: но—горесть души вино пiемо много, въ распри и клеветѣ** (Сир. 31, 29. 31. 34).

Шестый желчный гроздъ съ лозы пьянства есть **поврежденiе здоровья,** изнеможенiе

тѣлесныхъ силъ, дрожанiе рукъ, головная боль, ослабленiе зрѣнiя, страданiе желудка, стоны, немощи, преждевременная старость, умаленiе лѣтъ жизни и несчастная смерть.

Седьмой гроздъ - **расточенiе имущества**, потеря богатства, лишенiе выгодъ: **дѣлатель пьянивый**, говоритъ сынъ Сираховъ, **не будетъ богатъ** (19, 1). Какъ много людей, которые изъ-за пьянства отъ большаго богатства пришли въ послѣднюю нищету! Примѣръ сему — блудный сынъ, описанный въ Евангельской притчѣ.

Восьмой горькiй гроздъ—**утрата спасенiя.** Какъ вещественное богатство, такъ и духовныя сокровища расточаются отъ пьянства, потому что пьяный имѣетъ дерзость на всѣ грѣхи. Какого грѣха трезвый гнушается, боится или стыдится, того самаго грѣха не стыдится дѣлать, не боится, не гнушается, когда бываетъ пьянъ. Есть повѣсть въ книгѣ Отечникъ (или Патерикъ) объ одномъ Египетскомъ пустынножителѣ, которому бѣсъ обѣщалъ, что не будетъ болѣе тревожить его никакими искушенiями, если онъ однажды сдѣлаетъ который нибудь изъ трехъ грѣховъ, и предлагалъ на выборъ: убiйство, блудъ и пьянство.., „Одинъ какой-нибудь изъ нихъ сдѣлай, говорилъ бѣсъ: или убей человѣка, или соблуди, или упейся однажды, и

будешь послѣ того жить въ мирѣ: я уже не буду искушать тебя никакими соблазнами". И разсуждалъ самъ съ собою пустынникъ тотъ: «Человѣка убить страшно, ибо — это большое зло, и за него угрожаетъ казнь смертная и по Божію и по человѣческому суду. Сотворить блудъ—стыдно, да и жаль осквернить хранимую дотолѣ чистоту тѣлесную: мерзко оскверниться человѣку, когда онъ еще не позналъ этой скверны. А напиться однажды, кажется, небольшой грѣхъ: вѣдь, человѣкъ скоро сномъ отрезвляется. Пойду напьюсь, чтобы бѣсъ не докучалъ мнѣ больше, и чтобы послѣ спокойно было жить въ пустынѣ». И вотъ, взялъ онъ свое рукодѣліе, пошелъ въ городъ, продалъ его, вошелъ въ корчму, и сталъ пить, и напился; по дѣйствію сатаны, пришлось ему разговаривать съ одною безстыдною женщиною, и онъ прельстился, и согрѣшилъ съ нею. Вдругъ, приходитъ мужъ сей женщины, и заставъ пустынника въ грѣхѣ съ нею, сталъ бить его, а онъ въ свою очередь схватился съ нимъ, одолѣлъ его и убилъ. И сдѣлалъ пустынникъ тотъ всѣ три грѣха: блудъ и убійство, а началъ съ пьянства! И тѣ грѣхи, коихъ боялся и гнушался трезвый, теперь безъ страха совершилъ, будучи пьянъ, и погубилъ многолѣтніе труды свои.

Такъ, пьянство дерзаетъ на всѣ грѣхи, и лишаетъ спасенія, погубляя добродѣтель. Хорошо о семъ говоритъ Св. Златоустъ: „Если въ комъ пьянство найдетъ и цѣломудріе, и стыдливость, и благоразуміе, и кротость, и смиренномудріе:—оно все повергаетъ въ пучину законопреступленія!“ А человѣкъ, который чрезъ пьянство лишился всѣхъ добродѣтелей, развѣ не лишаетъ себя спасенія и не отчуждаетъ себя отъ небеснаго наслѣдія? Справедливо говоритъ Апостолъ: **Піяницы царствія Божія не наслѣдятъ** (1 Кор. 6, 10).

Девятый желчный гроздъ—**гнѣвъ Божій:** пьяница, преступая заповѣди Божіи, возбуждаетъ на гнѣвъ Самого Бога своими грѣхами. Вотъ, почему вопіетъ Исаія пророкъ: **Горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, піющимъ до вечера: вино бо сожжетъ я** (Ис. 5, 11).

Десятый, самый горькій плодъ пьянства, есть **всеконечная погибель души.** Другіе грѣшники, когда настанетъ ихъ смертный часъ, могутъ каяться и сожалѣть о грѣхахъ своихъ, потому что ихъ умъ трезвъ; а умирающій пьяница какъ можетъ покаяться, когда онъ не помнитъ себя, когда онъ не сознаетъ, что наступаетъ его смерть, которой онъ вовсе не ожидалъ? А для умирающаго безъ покаянія геенна неизбѣжна. Вотъ, каковы

нравственные грозды сего содомскаго винограда, то есть пьянства; хотя на вкусъ они и кажутся въ началѣ сладкими, но потомъ эта сладость превращается въ горечь желчи, въ ядъ зміевъ и аспидовъ!

Справедливо Св. Златоустъ считаетъ пьяницъ хуже псовъ и другихъ безсловесныхъ животныхъ: «Никакое животное, говоритъ онъ, не ѣстъ и не пьетъ болѣе того, сколько нужно, и никто не можетъ его принудить ѣсть и пить болѣе, чѣмъ сколько требуетъ его природа, а пьяница и безъ принужденія все больше и больше наполняетъ свое чрево, пока не повредитъ самъ себѣ».

Изъ „Цвѣтника Духовнаго".

Никто такъ не угоденъ діаволу, какъ въ пьянствѣ пребывающій, потому что никто такъ не исполняетъ его воли, какъ пьяница (Св. Тихонъ Зад.). – Слово Божіе отсылаетъ лѣнивыхъ къ муравью, чтобы научить ихъ трудолюбію: а пьяницъ нужно отсылать къ скотамъ, чтобы научить ихъ воздержанію. Увѣщевая грѣшниковъ, Церковь указываетъ имъ на примѣръ Іисуса Христа и святыхъ; а пьяницѣ приходится указывать на примѣръ скотовъ: какой позоръ! (Прот. І. Толмачевъ).—Пьяница ни къ чему негоденъ,

кромѣ ада. Пьянаго человѣка и въ домъ порядочный не пускаютъ, не только что въ Царство Небесное.—Упившіеся — что иное какъ не языческіе идолы?—**Очи имутъ, и не видятъ; уши имутъ и не слышатъ** (Пс. 113, 13. 14) (Св. Василій Великій).—Пьяный—что конь безъ узды; онъ не достоинъ жить съ людьми; его слѣдовало бы помѣстить съ животными (Онъ же).—Скоты – и тѣ не пьютъ больше нужды, не падаютъ на землю отъ пресыщенія, не бьются о деревья, не теряютъ дороги, послѣ того какъ напьются; а съ пьяницами все это бываетъ. Какъ имъ не стыдно?.. Не пей безъ мѣры и воды, не только водки.